

УДК 343.341.1

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ БАНДИТИЗМА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Горшкова Н. А., Зезюлина Т. А.

В статье приводится юридическая характеристика субъекта и субъективной стороны состава бандитизма (ст. 209 УК РФ). Делается акцент на необходимости пересмотра законодательного подхода к установлению возраста уголовной ответственности в сторону его снижения до четырнадцати лет. Предлагается введения поощрительной нормы, позволяющей освобождать от уголовной ответственности за бандитизм в определенных законом случаях. Описываются цели и мотивы бандитизма, выступающие ключевыми признаками по отграничению данного состава преступления от иных форм сложного преступного соучастия.

Ключевые слова: бандитизм; субъективные признаки; субъект бандитизма; субъективная сторона бандитизма

В доктрине уголовного права, а также в рамках правореализующей деятельности правоохранительных органов давно доказано, что бандитизм (ст. 209 УК РФ) является весьма опасным преступлением, со сложной конструкцией состава и множеством проблемных вопросов в квалификации. Отчасти справиться с такими проблемными аспектами призвано отдельное разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятое еще в 1997 г. [1], направленное на придание единообразия в правоприменительной практике относительно квалификации бандитизма, создания банды, руководства ей и участия в ней. Однако многие правоприменительные подходы, отраженные в указанном постановлении, уже не являются соответствующими современной риторике и требуют пересмотра. В определенной степени это относится и к толкованию отдельных составляющих субъективных признаков данного состава преступления.

Сами по себе субъективные признаки любого состава преступления являются весьма важными, поскольку характеризуют как само лицо, совершившее преступление, так и особенности его психоэмоционального состояния, возраста, а также внутреннюю сторону преступного поведения такого лица. Несмотря на то, что на практике установление отдельных субъективных признаков составов преступлений характеризуется сложностью, стоит подчеркнуть, что именно они служат необходимой юридической платформой для признания, во-первых, того или иного деяния преступным, во-вторых, для отграничения одного состава преступления от другого.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ, является физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, т.е. общий субъект. Такой возрастной ценз установлен в ст. 20 УК РФ, а именно, ст. 209 УК РФ нет перечне деяний, ответственность за которые наступает с четырнадцатилетнего возраста, закрепленного в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

О 16-летнем возрасте ответственности за бандитизм также указывается в абз. 2 п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ. При этом, Верховный Суд РФ подчеркивает, что «лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие различные преступления в составе банды, подлежат ответственности лишь за те конкретные пре-

ступления, ответственность за которые предусмотрена с 14-летнего возраста (ст. 20 УК РФ)» [1]. Надо сказать, что это устоявшаяся уже долгие годы позиция, которая единообразно применяется и в отношении иных составов преступлений, где речь идет об участии в преступлениях, совершаемых, например, в составе преступного сообщества (организации), экстремистского сообщества (организации).

Вместе с тем, хотелось бы обратить особое внимание на то, что за участие в составе террористического сообщества (организации) (ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ), незаконного вооруженного формирования (ч. 2 ст. 208 УК РФ), а также за участие в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ) согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ лица подлежат ответственности с 14 лет. Все эти преступления располагаются в том же разделе и в той же главе УК РФ, что и состав ст. 209 УК РФ. Однако, до сих пор не понятно, почему законодатель обошел стороной снижение возраста уголовной ответственности за участие в составе банды, потому что это не менее опасное преступление, чем те, что указаны выше.

Более того, ситуация последних лет свидетельствует, что среди молодежи набирают обороты деструктивные формы их объединения по принципам приверженности определенным преступным взглядам. Например, в 14 июля 2020 г. Кировский районный суд г. Уфы удовлетворил административный иск прокурора г. Уфы о признании информации, содержащейся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу: https://vk.com/aye_zhizn_voram_vechno, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. В решении суд указал следующее: «АУЕ – «арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство» – название и девиз предположительно существующей криминальной субкультуры и российского неформального объединения банд, состоящих из несовершеннолетних (подростков, юношей и девушек). Это молодежное сообщество пропагандирует среди несовершеннолетних воровские понятия российской криминальной среды и тюремные понятия, требует соблюдения «воровского кодекса» со сбором денег на «общак», взамен обещая поддержку и защиту в настоящем и будущем. На указанной странице размещена информация, а также изображения, направленные на пропаганду и романтизацию криминального образа жизни, воровских понятий и уголовного мировоззрения. В частности, на страницах группы размещены изображения и высказывания со следующим содержанием: «Если Ваши мечты не тянут на пару тюремных сроков то это так себе мечты»; «Жизнь ворах Процветание Ходу Воровскому АУЕ»; «А Ваш закон мне не закон. Понятие и совесть вот закон»; «Ходу воровскому Смерти мусорскому»» [2].

Позднее 17 августа 2020 г., накопив уже солидный объем решений о запрете подобной деятельности уже Верховный Суд Российской Федерации удовлетворил административное исковое заявление Генерального прокурора Российской Федерации и признал движение «Арестантское уголовное единство» экстремистским, а также запретил его деятельность [3].

Деструктивная деятельность экстремистской организации «А.У.Е.» в последние годы также привлекает внимание ученых, которые подчеркивают «многоликость» такого запрещенного движения [4, с. 3-7]. Это еще раз подтверждает опасность данного деструктивного направления развития молодежи и в конечном счете способствует, на наш взгляд, приобщению лиц более молодого возраста к криминальной

среде, в том числе и вхождению в состав каких-либо банд для подтверждения своего криминального статуса среди себе подобных.

На основании всего сказанного, считаем необходимым снизить возраст уголовной ответственности по ч. 2 ст. 209 УК РФ до 14 лет и внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Специальный субъект бандитизма установлен в ч. 3 ст. 209 УК РФ, где указывается на совершение преступлений, предусмотренных ч.ч. 1 или 2 данной статьи лицом, с использованием своего служебного положения.

Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ «под совершением бандитизма с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 209 УК РФ) следует понимать использование лицом своих властных или иных служебных полномочий, форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, а равно сведений, которыми оно располагает в связи со своим служебным положением, при подготовке или совершении бандой нападения либо при финансировании ее преступной деятельности, вооружении, материальном оснащении, подборе новых членов банды и т.п.» [1].

Вместе с тем, обращают на себя внимание предложения некоторых ученых о необходимости исключения из содержания ст. 209 УК РФ ее части 3 [5, с. 8]. При этом, например, О. А. Попова идет еще дальше и предлагает осуществлять квалификацию соответствующих действий по ст. 286 УК РФ [6, с. 7]. Мы не разделяем данную позицию, поскольку считаем, что указанный автор существенно сужает понятие «использование своего служебного положения», и фактически приравнивает его к «использованию своего должностного положения», что в корне не верно. Объясняется это тем, что должностные лица – это субъекты, замещающие органы в государственных и муниципальных органах власти, в то время как служебным положением может быть наделен человек, работающий в коммерческих структурах.

В этой связи прав А. В. Хадзегов, который в своем диссертационном исследовании указал, что в контексте ч. 3 ст. 209 УК РФ специальными субъектами «могут быть, должностные лица, статус которых определен в примечании к ст. 285 УК РФ, и лица, выполняющие управленческие: функции в коммерческой или иной организации (примечание к ст. 201 УК РФ), – что общепризнанно, а также ответственные работники охранных служб и финансовых структур» [7, с. 7]. Тем самым очевидна законодательная процедура по существенному усилению юридической ответственности лиц, «которые совершают преступления посредством использования своих административно-властных, служебных полномочий и возможностей в целях облегчить совершение преступления, а также получить дополнительные средства по его сокрытию» [8, с. 7].

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ, – это внутренняя психическая деятельность лица, которое организывает банду, руководит ей, либо принимает участие в ней. Эта мыслительная деятельность сознания человека существует не сама по себе, а в контексте противоправного поведения и в конечном счете должна отражать отношение лица к совершаемому им деянию. Иными словами, осознавал ли он, т.е. понимал, что совершает преступление и как относился к данному факту и возможным последствиям, которые могли бы наступить в результате совершения именно этого преступления.

При этом не знание о том, что деяние закреплено в ст. 209 УК РФ и запрещено под угрозой наказания, а также незнание мер этого наказания для оценки субъективной стороны значения не имеют.

Если отталкиваться от содержательной позиции субъективной стороны преступления, то она включает в себя юридические признаки, такие как вина, мотив, цель и эмоциональное состояние.

Основной, обязательный признак субъективной стороны – это вина, которую образуют две формы – умысел и неосторожность. Под виной в юридическом смысле с позиции теории уголовного права, как правило, понимают «психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом и его последствиям» [9, с. 345-347; 10, с. 268; 11, с. 163]. Сознание и воля, образуя содержание вины, характеризуют внутренние процессы в мыслительной деятельности лица, допускающего совершение противоправного деяния.

Согласно ч. 2 ст. 24 УК РФ деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В доктрине уголовного права данное положение разъясняется следующим образом: «... если в диспозиции статьи Особенной части УК РФ не указана конкретная форма вины в основном или квалифицированном составе преступления, то вина может быть либо только умышленной (в одних составах) или же умышленной и неосторожной (в других составах). Применительно к каждому составу преступления содержание вины устанавливается путем толкования уголовного закона с учетом особенностей объективной стороны преступления, включенных в число признаков его состава характеристик мотива и цели деяния (наличие последних свидетельствует только о прямом умысле) и иных обстоятельств» [12, с. 83].

Соответственно отсутствие прямого указания на неосторожную форму вины в ст. 209 УК РФ исключает возможность совершения данного преступления по неосторожности. Если исходить из содержания способов совершения этого преступления, то очевидно, что по неосторожности данные деяния совершить нельзя. Такая активная преступная деятельность характеризуется исключительно умышленной формой вины. На это специально указал Верховный Суд РФ в п. 14 постановления Пленума: «по смыслу ст. 209 УК РФ совершение любой из предусмотренных законом форм бандитизма возможно лишь с прямым умыслом» [1].

Поскольку состав преступления, предусмотренный ст. 209 УК РФ, является формальным, то стоит упомянуть еще одно верно определенное А. И. Рарогом правило, согласно которому «в преступлениях с формальным составом признаком объективной стороны, воплощающим общественную опасность деяния, во всех случаях является запрещенное законом действие или бездействие. Поэтому в формальных составах волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самим общественно опасным действиям (бездействию)» [13, с. 86, 98-99]. Из этого следует, что вина при совершении преступлений с формальным составом распространяется только на само преступное поведение виновного без учета отношения к возможным последствиям и соответственно может выражаться исключительно в виде прямого умысла.

В рамках правоприменительной деятельности предлагаем уделять особое внимание относительно направленности умысла у тех лиц, чье членство в банде сложно доказать, но которые, тем не менее, совершали преступления, анонсированные деятельностью определенной банды. Верховный Суд РФ на этот счет указал: «если лицо не осознавало, что совершало нападение в банде, то его действия квалифицируются как участие в том преступлении, которое охватывалось его умыслом» [1]. Тем самым данный подход определяет прямую корреляцию между осознанием лицом того факта, что он, совершая преступление, действует в составе банды, и юридическим фактом участия в составе банды. Иными словами, отсутствие такой осознанности исключает квалификацию по признаку участия в банде.

Более того, считаем пробелом то обстоятельство, что в ст. 209 УК РФ не предусмотрена специальная поощрительная норма, дающая возможность деятельного раскаяния лица и его отказа от преступной деятельности и, соответственно, освобождения от уголовной ответственности. Заметим, что во многих схожих составах преступлений такие поощрительные нормы предусмотрены (например, ст.ст. 205.4, 205.5, 208, 210 УК РФ). Полагаем, что организаторы, руководители, а также в особенности лица, принимающие участие в банде, могут на определенном этапе осознать пагубность и опасность своего преступного поведения и всегда должны иметь возможность быть освобожденными от уголовной ответственности, если в их действиях не содержится иного состава преступления. Тем самым обеспечиваются гуманистические начала уголовного преследования.

Что касается наличия цели бандитизма, то считаем, что здесь вопрос несколько сложный. Так, законодатель в диспозиции ч. 1 ст. 209 УК РФ прямо говорит о цели создания банды, а именно: «в целях нападения на граждан или организации». В свою очередь Верховный Суд РФ сначала в п. 7 постановления Пленума указывает, что «создание банды предполагает совершение любых действий, результатом которых стало образование организованной устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан либо организации» [1], но в п. 12 того же постановления указывает несколько иное: «Статья 209 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного элемента состава бандитизма каких-либо конкретных целей осуществляемых вооруженной бандой нападений. Это может быть не только непосредственное завладение имуществом, деньгами или иными ценностями гражданина либо организации, но и убийство, изнасилование, вымогательство, уничтожение либо повреждение чужого имущества и т.д.» [1].

Материалы изученных нами приговоров судов по делам рассматриваемой категории, свидетельствуют о том, что суды все же устанавливают цель совершения рассматриваемого преступления. Но здесь наблюдается плюрализм подходов, согласно которым суды описывают цели бандитизма по-разному. Вот некоторые примеры: «нацеленность на совершение нападений» [14]; «с целью раздела сфер влияния» [15]; «в целях нападения на граждан и завладения их имуществом» [16]; «с целью совершения вооруженных нападений на граждан и организации» [17].

В этой связи мы не разделяем мнение А. В. Васильевой и А. Р. Кивковой, что «нападение на граждан и организации как цель создания банды и участия в ней не носит детализированного и конкретного характера» [18, с. 300] и мнение, что «с точки зрения закона безразлично, является цель совершения нападений основной или побочной в деятельности виновных лиц» [19, с. 118]. Мы все же считаем, что

суды должны устанавливать цель создания данного преступного объединения, для того, чтобы квалифицировать соответствующие действия в рамках состава бандитизма. Данная обязательная цель – совершение нападений на граждан или организаций. Ее отсутствие будет свидетельствовать о невозможности вменения признаков состава бандитизма.

Что касается мотивов совершения нападений в составе банды, то как показал опыт изучения судебной и правоприменительной практики, мотивация организаторов, руководителей и участников банды практически всегда сводится к корысти, т.е. желанию обогатиться, приумножить свои финансовые капиталы за счет средств других лиц. Именно поэтому преступления, которые совершаются в составе банды, в большинстве случаев квалифицируются по признакам преступлений, связанных с хищением чужого имущества (ст. 162 УК РФ разбой), реже – по признакам незаконного требования передачи чужого имущества виновным (ст. 163 УК РФ как вымогательство). Также специалисты указывают, что мотивами участия в банде может выступать «психологическое удовлетворение от самого процесса преступной деятельности (нередко связанное с риском, выбросом адреналина, своего рода игрой и т. д.); в некоторых случаях месть за свое какое-то несовершенство или несостоятельность» [20, с. 221-222]. Но подчеркнем, что любые мотивы бандитизма не влияют на квалификацию преступления.

В результате проведенного исследования нами установлено, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Но в связи со сложной социально-политической обстановкой в стране, подверженностью лиц более молодого возраста ко вступлению в различные деструктивные организации, считаем необходимым снизить возраст уголовной ответственности по ч. 2 ст. 209 УК РФ до 14 лет и внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Преступление, предусмотренное ст. 209 УК РФ, совершается исключительно с прямым умыслом. При этом наибольшая сложность состоит в доказывании прямого умысла у лиц, являющихся участниками банды, которые во многих случаях ограничены в информационном ресурсе относительно достоверного понимания всех признаков, характеризующих понятие банды. В таких ситуациях вопрос о направленности умысла участников должен решаться исходя из объективных обстоятельств произошедшего и исключать вменение ч. 2 ст. 209 УК РФ в тех случаях, когда лица объективно не знали или заблуждались в том, что они являются членами банды.

Для ст. 209 УК РФ в качестве обязательной выступает цель – нападение на граждан или организаций. Отсутствие указанной цели исключает квалификацию по признакам указанного состава преступления. Иные цели и мотивы на квалификацию не влияют, а могут учитываться судами в каждом конкретном случае в целях дополнения картины преступной деятельности лиц, входящих в состав банды.

Список литературы:

1. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3.
2. Решение Кировского районного суда г. Уфы № 2А-4430/2020 2А-4430/2020~М-4158/2020 М-4158/2020 от 14 июля 2020 г. по делу № 2А-4430/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/mi4aAHTRF3gQ/ (дата обращения: 01.03.2024).

3. По иску Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова Верховный Суд Российской Федерации запретил деятельность международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://egrp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=56759800> (дата обращения: 01.03.2024).
4. Румянцев, Н.В. Организационно-правовые вопросы противодействия экстремистской деятельности криминальных субкультур, в том числе молодежного движения АУЕ: уголовный и административно-правовой аспекты / Н. В. Румянцев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2021. – № 6. – С. 3–7.
5. Агапов, П.В. Уголовно-правовое, криминологическое и социально-политическое исследование бандитизма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / П.В. Агапов. – Саратов, 2002. – 223 с.
6. Попова, О.А. Проблемы дифференциации ответственности за бандитизм: исторический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / О.А. Попова. – Екатеринбург, 2001. – 184 с.
7. Хадзегов, А.В. Банда и состав бандитизма в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / А.В. Хадзегов. – Ростов-на-Дону, 2004. – 200 с.
8. Ахметов, Р.Р. Объективная сторона бандитизма / Р. Р. Ахметов // Вестник магистратуры. – 2016. – № 6-2 (57). – С. 4–8.
9. Валуйсков, Н.В. Понятие вины и виновности в уголовном праве / Н.В. Валуйсков, Л.В. Бондаренко, А.Д. Арутюнян // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – № 3(20). – Т. 6. – С. 345–347.
10. Курс российского уголовного права: Общая часть / Рос. акад. наук. Ин-т государства и права; [Сост.: Бородин С. В. и др.]; Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – Москва: Спарк, 2001. – 767 с.
11. Уголовное право. Часть Общая / под ред. П.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. – Москва, 1969. – 648 с.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 13-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В.М. Лебедев. – Москва: Юрайт, 2013. – 1359 с.
13. Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – Санкт-Петербург: Юрид. центр пресс, 2002. – 279 с.
14. Приговор Ставропольского краевого суда № 2-21/2020 2-2-21/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 2-21/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LVIOsbQbmtmR/> (дата обращения: 02.03.2024).
15. Приговор Московского областного суда № 2-37/2020 от 8 июля 2020 г. по делу № 2-37/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/S4WkJ4dIXNVN/> (дата обращения: 02.03.2024).
16. Приговор Верховного Суда Республики Дагестан № 2-12/2020 от 23 июня 2020 г. по делу № 2-12/2020/ Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XfdMXTyiT65J/> (дата обращения: 02.03.2024).
17. Приговор Верховного Суда Республики Хакасия № 2-10/2020 от 21 мая 2020 г. по делу № 2-10/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iDeh40W4Bt6u/> (дата обращения: 02.03.2024).
18. Васильева, Т.В. Вопросы квалификации бандитизма в разъяснениях Верховного Суда РФ / Т.В. Васильева, А.Р. Кивкова // Заметки ученого. – 2023. – № 3. – С. 299–303.
19. Хмелева, А.В. Проблемы оценки некоторых квалифицирующих признаков бандитизма: следственная и судебная практика / А.В. Хмелева, И.А. Цховребова // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2023. – № 2. – С. 113–120.
20. Гринько, С.Д. Бандитизм как одна из форм организованной преступности / С.Д. Гринько // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 10(190). – С. 220–222.

N. A. Gorshkova, T. A. Zezyulina Subjective signs of banditry: theoretical and law enforcement aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 235–242.

The article provides a legal description of the subject and the subjective side of the composition of banditry (Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation). The emphasis is placed on the need to review the legislative approach to setting the age of criminal responsibility in the direction of reducing it to fourteen years. It is proposed to introduce an incentive norm that allows to exempt from criminal liability for banditry in cases defined by law. The goals and motives of banditry are described, which are key signs for distinguishing this corpus delicti from other forms of complex criminal complicity.

Keywords: banditry; subjective signs; the subject of banditry; the subjective side of banditry

Spisok literatury:

1. О практике применения судами законодательств об ответственности за бандитизм: [postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17 janvarja 1997 g. № 1] // B'ulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 1997. № 3.

2. Reshenie Kirovskogo rajonnogo suda g. Ufy № 2A-4430/2020 2A-4430/2020-M-4158/2020 M-4158/2020 ot 14 ijulja 2020 g. po delu № 2A-4430/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sajt]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/mi4aAHTRF3gQ/ (data obrashhenija: 01.03.2024).
3. Po isku General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii Igorja Krasnova Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii zapretil dejatel'nost' mezhdunarodnogo obshhestvennogo dvizhenija «Arestantskoe ugovolnoe edinstvo» // General'naja prokuratura Rossijskoj Federacii: [sajt]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=56759800 (data obrashhenija: 01.03.2024).
4. Rumjancev, N.V. Organizacionno-pravovye voprosy protivodejstvija jekstremistskoj dejatel'nosti kriminal'nyh subkul'tur, v tom chisle molodezhnogo dvizhenija AUE: ugovolnyj i administrativno-pravovoj aspekty / N. V. Rumjancev // Ugovolno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie. – 2021. – № 6. – S. 3–7.
5. Agapov, P.V. Ugolovno-pravovoe, kriminologicheskoe i social'no-politicheskoe issledovanie banditizma: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. / P.V. Agapov. – Saratov, 2002. – 223 s.
6. Popova, O.A. Problemy differenciacii otvetstvennosti za banditizm: istoricheskij i ugolovno-pravovoj aspekty: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. / O.A. Popova. – Ekaterinburg, 2001. – 184 s.
7. Hadzegov, A.V. Banda i sostav banditizma v ugolovnom prave Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. / A.V. Hadzegov. – Rostov-na-Donu, 2004. – 200 s.
8. Ahmetov, R.R. Ob#ektivnaja storona banditizma / R. R. Ahmetov // Vestnik magistratury. – 2016. – № 6-2 (57). – S. 4–8.
9. Valujskov, N.V. Ponjatie viny i vinovnosti v ugolovnom prave / N.V. Valujskov, L.V. Bondarenko, A.D. Arutjunjan // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2017. – № 3(20). – T. 6. – S. 345–347.
10. Kurs rossijskogo ugolovnogo prava: Obshhaja chast' / Ros. akad. nauk. In-t gosudarstva i prava; [Sost.: Borodin S. V. i dr.]; Pod red. V.N. Kudrjavceva i A.V. Naumova. – Moskva: Spark, 2001. – 767 s.
11. Ugolovnoe pravo. Chast' Obshhaja / pod red. P.A. Beljaeva, M.D. Shargorodskogo. – Moskva, 1969. – 648 s.
12. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj). – 13-e izd., pererab. i dop. / otv. red. V.M. Lebedev. – Moskva: Jurajt, 2013. – 1359 s.
13. Rarog, A.I. Kvalifikacija prestuplenij po sub#ektivnym priznakam / A.I. Rarog. – Sankt-Peterburg: Jurid. centr press, 2002. – 279 s.
14. Prigovor Stavropol'skogo kraevogo suda № 2-21/2020 2-2-21/2020 ot 15 ijulja 2020 g. po delu № 2-21/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sajt]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/LVIOsbQbmtmR/ (data obrashhenija: 02.03.2024).
15. Prigovor Moskovskogo oblastnogo suda № 2-37/2020 ot 8 ijulja 2020 g. po delu № 2-37/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sajt]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/S4WkJ4dIXNVN/ (data obrashhenija: 02.03.2024).
16. Prigovor Verhovnogo Suda Respubliki Dagestan № 2-12/2020 ot 23 ijunja 2020 g. po delu № 2-12/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sajt]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/XfdMXTyiT65J/ (data obrashhenija: 02.03.2024).
17. Prigovor Verhovnogo Suda Respubliki Hakasija № 2-10/2020 ot 21 maja 2020 g. po delu № 2-10/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sajt]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/iDeh40W4Bt6u/ (data obrashhenija: 02.03.2024).
18. Vasil'eva, T.V. Voprosy kvalifikacii banditizma v raz#jasnenijah Verhovnogo Suda RF / T.V. Vasil'eva, A.R. Kivkova // Zametki uchenogo. – 2023. – № 3. – S. 299–303.
19. Hmeleva, A.V. Problemy ocenki nekotoryh kvalificirujushhijh priznakov banditizma: sledstvennaja i sudebnaja praktika / A.V. Hmeleva, I.A. Chovrebova // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih reshenija. – 2023. – № 2. – S. 113–120.
20. Grin'ko, S.D. Banditizm kak odna iz form organizovannoj prestupnosti / S.D. Grin'ko // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. – 2020. – № 10(190). – S. 220–222.